

Первые месяцы войны

воспоминания с заметками историка

И. И. Орлик*

Великая Отечественная война началась 70 лет тому назад. О ней написано так много, что, кажется, новая публикация вряд ли может что-либо добавить к тому, что уже известно. Но как рядовой участник Отечественной войны, должен сказать, что о ней известно далеко не все. Да, существуют многотомные специальные исследования, где скрупулезно изложены направления крупных сражений и локальных боев, печальных поражений и героических побед Красной армии, приведены подробные карты и стратегические планы. А сколько мемуарных трудов наших маршалов и генералов стоят на полках многих библиотек!

Что же известно о людском, человеческом восприятии войны, об отношении к ней моего рядового соотечественника? Как почувствовали начало войны, жившие в западной приграничной полосе? Все ли известно о крупных сражениях в начале войны? Что ощутили миллионы людей, оказавшись под властью жестокого врага? Как жили на оккупированной территории? Это лишь часть вопросов, ответы на которые далеко не полно дают авторы многих толстых книг и других публикаций.

Внезапные потрясения

Война началась для меня с первого ее дня — 22 июня, в небольшом городке Балта на севере Одесской области. Полдень. Я стою у окна. Из черной тарелки бумажного репродуктора звучит голос Молотова: «Вероломное нападение фашистской Германии...». У меня сжимаются

кулаки, и я все время твержу: «Ну и дадим же мы им... ну и дадут же им!».

Рядом — мама. Она плачет и все время повторяет: «Витя, Витя». Это мама о Викторе, моем старшем брате, призванном в прошлом году в армию и находящемся, судя по его письмам, где-то под Киевом.

Через час или два после выступления Молотова из-за забора раздается голос живущего в соседнем доме моего школьного учителя по русской литературе Петра Алексеевича Амосова: «Игорь, всех старшеклассников созывают в райком комсомола». Я тоже уже был старшеклассником. Только что сдал последний экзамен за 8-й класс.

Не помню, звучали ли у райкома какие-то речи, призывы. Кажется, нет. Слишком торопились уже сегодня, до темноты, выяснить, где и какие в городе есть подвалы, пригодные для бомбоубежищ. Немецкие самолеты уже бомбили находящуюся в 25 км от Балты железнодорожную станцию Котовск (на главном пути Одесса — Киев — Москва). Никаких других сведений не было, но железнодорожную станцию Балта, в 7 км от города (на пути Одесса — Харьков), пока не бомбили. Всех нас распределили по улицам. Мне достались 1-я, 2-я и 3-я Сеняньские. Как-либо прочных подвалов там быть не могло: почти все дома, как и наш, были построены в лучшем случае из глинобитных кирпичей, а чаще представляли собой деревянный каркас с толстыми ивовыми ветвями, обмазанными глиной. Сырые заброшенные подвалы нашлись

* **Игорь Иванович Орлик** — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

лишь в нескольких кирпичных домах. Вот их-то в течение двух-трех дней мы и очищали, проветривали, устанавливали там деревянные лавки.

А над городом, высоко в небе, уже раздавался гул немецких самолетов. Особенно угрожающим казался прерывистый рев самолета с двумя фюзеляжами, который мы прозвали «рамой». Да и позже все их так называли. Никакой противовоздушной обороны не было, иногда появлялись красноармейцы с длинными старыми винтовками. Прислонившись к стене, под прикрытием козырька низкой крыши нашего домишки они из обычной винтовки стреляли в немецкий самолет, летящий на высоте 1,5–2 тыс. метров! Воинских частей в городе тоже не осталось. Уже 22 июня пехотный полк, стоявший на северной окраине Балты, ушел в сторону Молдавии, до которой было менее 50 км. Небольшая по составу военная комендатура и несколько милиционеров — вот и вся охрана города. А охрана была необходима с первых дней, так как по ночам за городом, в небольших окрестных лесах, с немецких самолетов сбрасывались парашютисты-диверсанты.

К концу первой недели в основном из молодых ребят, главным образом старшекласников, был сформирован истребительный батальон. Оружия у нас не было, если не считать нескольких учебных винтовок, взятых из школьных тиров и из городского общества ОСОАВИАХИМ, да наганов милиционеров, возглавлявших отдельные отряды нашего батальона. Утром отряды выходили за пределы города, прочесывали уже высокие к концу июня посадки кукурузы, виноградники, маленькие рощи, кустарники. Иногда мы находили брошенные парашютистами вещи и даже парашюты, но самих разведчиков-диверсантов, во всяком случае, нашему отряду, обнаружить и захватить не удавалось ни разу, хотя об их действиях сообщали многие люди, приехавшие с железнодорожной станции Балта и бывшие свидетелями пожаров и взрывов на железнодорожных путях.

Сообщения о продвижении немецких войск в Западной Украине и Белоруссии были тревожными, но ритм жизни в городе пока еще не нарушался. Мы жили в полном неведении относительно нашего ближайшего будущего и даже не думали о том, что придется все бросить и бежать. Вскоре, однако, такие мысли стали приходиться все чаще и чаще. В первых числах июля все население города — и стар, и млад — было призвано на земляные работы. Более двух недель под палящим южным солнцем мы примитивными до-

машними лопатами копали широкий, глубокий ров на западной окраине города. Ров должен был стать препятствием для немецких войск, прежде всего танков. Впоследствии выяснилось, что вся эта тяжелейшая работа нескольких тысяч балтян оказалась совершенно напрасной. В последних числах июля немцы вошли в город с востока, совсем с другого направления.

С середины июля над городом все чаще стали проноситься немецкие самолеты, обстреливавшие проезжавшие через Балту машины с ранеными солдатами. Иногда за городом раздавались взрывы бомб, а ровно через месяц после начала войны, 22 июля, в полдень, жестокой бомбардировке подверглась и сама Балта. Зрелище было страшное: дым, грохот, звон разбивающихся окон, хотя и заклеенных бумагой крест накрест. О наших глиняных бомбоубежищах никто не успел даже вспомнить. И если до сих пор и бомбоубежища, и противотанковый ров, и истребительный батальон, и даже глухой рёв высоко пролетающих немецких самолетов представлялись чем-то временным, то сейчас, когда на соседних улицах горели дома, а по узким переулкам бежали обезумевшие от страха люди, война стала реальной, физически ощутимой. Ближе к вечеру снова началась бомбежка. Бомбы падали вдоль протянувшейся с запада на восток через весь город улицы Котовского и совсем рядом, на Уваровскую. Горела швейная фабрика, горел только что построенный гастроном. Я узнаю о пожарах от пробегающих мимо нашего дома знакомых ребят. Кое-кто из них тащит мешки. Говорят, в городе (так мы называли центральные улицы) народ разбивает уцелевшие магазины и разбирает все, что только можно. Главным образом сахар, муку, крупы. Никто людей не останавливает. Милиции нет.

Вскоре мы узнали, что в городе вообще нет никакой власти: все работники райкома партии, горсовета, милиции и другое начальство уехали на грузовиках еще ночью, а их семьи, оказывается, были тайно вывезены неделей раньше. А ведь всего несколько дней назад на вопросы сотрудников детской поликлиники, где работала мама, что делать, городское начальство угрожающе заявляло: «Не паниковать! Паникеров будем арестовывать». Так, ровно через месяц после начала войны провинциальный городок Балта, но все же центр большого района, был брошен на произвол судьбы. 14 тыс. его жителей были в полном неведении, что делать дальше, откуда

могут появиться немецкие войска, куда бежать от них, где скрыться. Всем казалось, что спасенье на востоке, за Бугом. С наступлением ночи толпы людей стали покидать город.

Закрыв на маленькие крючки внутренние деревянные ставни разбитых во время бомбежки окон, заперев на маленький навесной замок дверь, мама, ее сестры Нюра, Женя и я в общей толпе беженцев двинулись на восток. Кругом были такие же, как и мы, — балтская беднота. Те, кто побогаче, купили повозки с лошадьми и уехали заранее. Дни бегства стали для нас тяжелейшим испытанием. Мы пережили голод, жажду, обстрелы немецких самолетов, бомбежку, лишь по счастливой случайности не оказавшись для нас роковой, встретились с немецким мотоциклетным десантом. Но главное — так и не сумели добраться до Буга. В поселке Кривое Озеро нас остановили румынские солдаты. Началась дикая вакханалия, массовый грабёж. Потом один из них несколько раз прокричал по-русски, что всем жителям Балты разрешается вернуться домой. Кое-кого из мужчин задержали, выделив в отдельную группу. Всех остальных солдаты погнало по улице. Началось тяжелое возвращение.

Битва под Уманью

Тысячи беженцев, скопившихся в Кривом Озере и окрестных селах, рассчитывали через день-два дойти до Буга, а за ним — двинуться далее, на восток страны. Оказавшись внезапно в окружении вражеских солдат, они не могли себе представить, что там, у Буга, шло одно из крупнейших сражений Отечественной войны.

Советские военные историки позже о нем совсем не писали¹. Да и нынешние отечественные исследователи отделяются скупыми, на 2–3 страницах, сведениями², ссылаясь на то, что, якобы, «имеющаяся в настоящее время в распоряжении историков информация весьма противоречива»³.

О многих обстоятельствах трагических событий, происходивших восточнее Кривого Озера, мне стало известно только через срок с лишним лет из книги бывшего военного корреспондента, известного советского поэта Евгения Долматовского «Зеленая брама»⁴. Его воспоминания участника боев, собранные им в течение длительного времени записи и рассказы других участников боевых действий в этом регионе, раскрыли весь драматизм обстановки, в которой оказались отступавшие советские армии, а с ними и мы — десятки тысяч беженцев.

Разрозненные сведения из различных источников дают мне — историку возможность хотя бы кратко восстановить ход драматических событий южнее Умани и северо-восточнее Кривого Озера в 20-х числах июля — первой декаде августа 1941 г., то есть в течение трех недель того жаркого лета.

Уже через месяц после начала войны был совершен прорыв немецких войск через Западную Украину и Молдавию к берегам Южного Буга между Уманью и Первомайском. Это был именно прорыв, так как севернее и южнее врезавшегося в советскую территорию клина находились советские армии.

Почему изменилась стратегия германского командования, стремившегося прежде всего захватить Киев? Из записей в военном дневнике верховного главнокомандования вермахта (26 июня — 24 июля 1941 г.) видны сомнения Гитлера: «Куда повернуть — на юг или на север?». «Это будет самым тяжелым решением этой войны» (4 июля)⁵. 17 июля фюрер дает указание «перерезать тыловые коммуникации 6-й и 12-й русских армий»⁶.

Именно эти две советские армии, с боями отходя от западной границы, затем в течение трех недель сдерживали продвижение на юго-восток Украины мощнейшего объединения войск гитлеровской коалиции: германских, румынских, венгерских и итальянской дивизий.

В пространной директиве фюрера № 33 от 19 июля подчеркивалось: «Важнейшая задача — концентрическим наступлением западнее Днепра уничтожить 12-ю и 6-ю армии противника, не допуская их отхода за реку»⁷. 27 июля в беседе с генералом Йодлем Гитлер возражает против наступления на Москву и взятия Киева, «указывая на необходимость как можно скорее овладеть Донецким промышленным районом...»⁸. 28 июля он «вновь подчеркивает свое мнение, что для него большее значение имеет промышленный район Харькова, нежели Москва»⁹. 4 августа он заявляет: «в первую очередь повернуть крупные силы группы армий «Центр» на юго-восток»¹⁰.

Вот почему южнее Умани, вдоль реки Синюха до ее впадения в Южный Буг сосредоточились войска гитлеровской коалиции, в том числе германские 16, 11 и 9 танковые дивизии, две механизированные (16-я и «Адольф Гитлер»), 297, 24, 125 и 97 пехотные дивизии, 1-я и 4-я горнострелковые, 157-я и 96-я пехотные и другие дивизии, венгерский и румынский корпуса, итальянская

дивизия. Всего 22 дивизии со всевозможными средствами усиления. Их поддерживали более 700 бомбардировщиков и истребителей. Только немецкие дивизии насчитывали более 100 тыс. человек, 3 тыс. орудий и более 200 танков.

Всей этой огромной военной группировке противостояли 6-я и 12-я армии: около 130 тыс. человек, более 1 тыс. орудий, 384 танка¹¹.

О боевых действиях в этом регионе известно мало. Даже в таком авторитетном издании, как «История Великой Отечественной войны», содержится всего лишь краткая, без каких-либо объяснений причин поражения двух армий констатация, что окруженные войска вели героическую борьбу до 7 августа, а отдельные отряды — до 13 августа, пока не иссякли возможности сопротивления.

6-я и 12-я армии, которые, отступая и сохраняя силы, с первых часов войны вели упорные бои, к 25 июля оттесненные в район Умани были окружены превосходящими силами противника.

Установить основные направления боевых действий сейчас без материалов военных архивов практически невозможно. Известно только, что в конце июля немецкие танковые дивизии генерала Э. Клейста прорвались к Новоархангельску, а затем вышли к Первомайску. Прорваться к Умани они не смогли, так как сохранившая боеспособность пришедшая на помощь 11-я танковая дивизия в боях с 21 по 23 июля нанесла большие потери противнику, который вынужден был отступить.

Севернее и восточнее Новоархангельска шли ожесточенные бои с тремя немецкими танковыми дивизиями. На юге и юго-западе противник сконцентрировал две немецкие горнострелковые дивизии, венгерский и румынский корпуса. Сюда же направлялась итальянская дивизия.

Об огромных масштабах и предельной напряженности сил обеих сражавшихся сторон свидетельствуют лаконичные ежедневные записи в военном дневнике начальника Генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковника Франца Гальдера.

24 июля. Силы 6-й (немецкой. — Авт.) армии «разбросаны на большой территории. Масштабирование сил на направлении главного удара отсутствует!»¹². 26 июля. «Противник снова нашел способ вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения... большое искусство, с которым он выводит свои войска из угрожаемых районов и быстро перебрасывает их...».

Здесь же, в дневнике, Гальдер подчеркивает, что перед ними «совсем другой противник»¹³. С 29 по 31 июля — записи о локальных окружениях и прорывах танковых групп западнее и севернее Первомайска, бои и локальные окружения у Первомайска, Вознесенска; продвижение на Александрию; окружение отдельных групп юго-восточнее Умани¹⁴.

Военная ситуация изменялась буквально с каждым часом. 1 августа ночью группа советских войск и ее штаб оставляют Умань. Ранним утром Военный совет 6-й и 12-й армий, объединенных в «группу Понеделина», сообщает командованию Южного фронта и Государственному комитету обороны: «Положение стало критическим. Окружение 6-й и 12-й армий завершено полностью. ... Резервов нет. Просим очистить вводом новых сил участок Терновка — Новоархангельск. Боеприпасов нет. Горючее на исходе».

Однако в ответ приходит указание: «Прочно удерживать занимаемые рубежи»...¹⁵. А затем — «новыми атаками пробить себе путь и выйти из окружения»¹⁶.

В первых числах августа бои приняли особенно ожесточенный характер, несмотря на окружение многих воинских частей 6-й и 12-й армий. 2 августа бои шли у Первомайска, где немцы смогли замкнуть кольцо окружения. В районе села Подвысокое бои шли днем и ночью в течение нескольких дней. До 13 августа сопротивлялась большая группировка войск в лесу восточнее села Копенковатое¹⁷.

Некоторым группам удавалось прорваться и выйти из окружения. Но не всем. Генерал-лейтенант Иван Николаевич Музыченко — командующий 6-й армией и генерал-майор Павел Григорьевич Понеделин — командующий 12-й армией «предпринимали все меры, возможные в сложнейшей обстановке... вместе с бойцами пошли в прорыв, показывая пример личной храбрости и отваги»¹⁸. Но 6 августа в рукопашном бою с превосходящими силами противника был схвачен Понеделин, а тяжело раненный в подбитом танке Музыченко также попал в плен.

После трех недель отчаянных боев обе армии потерпели тяжелое поражение. Это было одно из первых проигранных сражений Красной армии в самом начале войны.

И все же битва под Уманью с немецкими войсками, которую вели 6-я и 12-я армии, фактически сорвала план Гитлера захватить Киев, Днепропетровск, Запорожье, Донбасс уже в июле 1941 г. На три недели «задержались» под Ума-

нию 22 немецкие дивизии и почти все войска сателлитов. Это дало возможность отошедшим на восток Украины войскам закрепиться на новых рубежах, одновременно началась и продолжалась эвакуация Днепропетровска, Запорожья, Кривого Рога, Днепродзержинска, Никополя и других промышленных городов.

Маршал авиации В. А. Судец, позже говоря о роли 6-й и 12-й армий в битве под Уманью, отмечал, что если бы не их отчаянные бои в окружении, вряд ли удалось бы эвакуировать заводы Запорожья, сыгравшие такую великую роль для поворота к победе. На Урал и в Сибирь было отправлено 99 тысяч вагонов с промышленным оборудованием. Несколько миллионов жителей восточной Украины смогли избежать вражеской оккупации.

В ходе битвы под Уманью здесь были сосредоточены огромные силы войск гитлеровской коалиции. Это дало возможность многим воинским частям Красной армии с боями пройти севернее Умани на восток и затем выйти к Запорожью. Об этом мне еще в конце 1950-х годов рассказывали мой былой однокурсник по истфаку МГУ Константин Тарновский и коллега по кафедре в МГИМО Николай Иноземцев, артиллерии которых прошли долгий боевой путь от западной границы до Днепра¹⁹.

Именно здесь, у Днепра, за три недели боев под Уманью удалось сосредоточить дивизии Красной армии для противодействия продолжавшим наступление немецким войскам.

Конечно, обо всех этих событиях мы, беженцы, остановленные в Кривом Озере румынскими солдатами, ничего не знали. Подгоняемые прикладами ружей, а то и выстрелами, мы толпами возвращались кто в Балту, кто в Котовск или другое место своего бывшего жительства.

Дорога в Балту оказалась еще более продолжительной и тяжелой, чем бегство. Мы возвращались другой, длинной дорогой, по территории, уже оккупированной врагом. В первую же деревню нас не пустили немецкие солдаты. Пришлось обходить через поле, а затем снова выбираться на дорогу. Постепенно толпа беженцев рассредоточилась. Шли отдельными небольшими группами. Мучили жара и жажда. Но напиться удавалось только у колодцев, стоявших в стороне от занятых немцами сел и деревень. Что мы ели и ели ли вообще что-нибудь за эти дни тяжелого пути, я не помню. Ночевали в сараях, куда нас четве-

рых пускали хозяева, либо в пустом загоне для скота. Как-то вечером тетю Нюру узнала одна из ее пациенток в балтской поликлинике и дала нам еды. В дом не пустила — немцы. Они находились здесь уже не один день. Так что и Балта, скорее всего, уже была занята врагом. К чему мы придем?

1 августа, к вечеру, мы наконец вошли в Балту. Непонятно откуда взялись силы, но мы бросились к своей Сенянской улице бегом. Вбежали во двор и увидели, что в соседнем доме, где жил мой школьный учитель, двери и окна нараспашку, а молодые парни и мальчишки вытаскивают оттуда мебель и домашнюю утварь. И вдруг я слышу: «Эй, Орлик, малой крест, тут будет гетто». Это был Ванька М. (не стану называть его фамилию, поскольку мои воспоминания могут прочесть его внуки или правнуки). Ванька, как мы все в школе его называли, учился классом старше меня, а по возрасту был и того старше. На левом рукаве его пиджака я увидел широкую белую повязку с синей печатью со свастикой в центре и надписью латинским шрифтом «полицай».

Наконец дрожащими руками мама открыла навесной замочек. Внутренние ставни в окнах были закрыты. Значит, за время нашего отсутствия здесь еще никто не побывал. Между тем за забором стояли мальчишки, которые еще две-три минуты назад были готовы ринуться и в нашу квартиру. Полицай ушел. «Не открывайте ставни!», — взволнованным голосом сказала мама и бросилась на колени перед нижним ящиком старенького комода. Вытащила защитную офицерскую гимнастерку с красными петлицами, на которых блестели по две темно-красные эмалевые шпалы, офицерские галифе и офицерский зимний шлем с большой красной звездой. Полный комплект обмундирования командира Красной армии еще в конце зимы прислал мне из Москвы мамин брат — дядя Шура, инженер химических войск, после того как побывал в начале года у нас в Балте и увидел мою скудную одежку. У мамы руки не дошли до перешивки, потом началась война, и мы забыли об этом дядином подарке. Страшно подумать, что ожидало бы нас, если бы немцы или румыны, или полицай Ванька обнаружили у нас одежду советского командира. Поэтому первым делом мы спорили петлицы со шпалами, разрезали командирский шлем со звездой, закопали все это за домом, а распоротые по швам гимнастерку и брюки

мама тут же принялась красить в черный цвет. Поставила на керосиновый примус ведро с водой и положила туда два пакета краски, которая у нас была всегда, поскольку в те бедные времена мы часто перекрашивали и перелицовывали выгоревшие вещи. А я тем временем в полной темноте остатками белил выводил полузасохшей кистью на двери нашего дома большой православный крест. Я явно перестарался — крест получился больше метра. Зато он был хорошо виден даже с улицы и впоследствии часто спасал нас от многих неприятностей и угроз.

Очень трудно и, откровенно говоря, тяжело вспоминать, а тем более описывать свою жизнь за время оккупации. 32 месяца физических и моральных страданий, страха, угрозы жизни, полного неведения и безнадежности. В первые дни после возвращения в Балту мы были очень подавлены. Город был занят немецкими и румынскими войсками за два дня до нашего прихода. Говорили, что на северо-восточной окраине несколько дней шли бои и часть города дважды переходила из рук в руки. Тем не менее к 1 августа в Балте уже была не только немецкая военная комендатура, но и быстро сформированная полиция из местных городских и сельских, в основном, молодых парней, вроде Ваньки М.

Грабежи продолжались. На другой день утром к нам явились два румынских вооруженных солдата. Выгнав нас во двор, они вошли в дом. Через разбитые окна я видел, как они выдвигали ящики комода, вытаскивали из ящика буфета ложки, ножи и вилки. Отобрали понравившиеся, а остальные швырнули обратно. Поживиться у нас было нечем, и они скоро ушли. Но такое повторялось несколько раз в течение первых дней. Немцы проходили мимо, что-то говорили, глядя на большой белый крест на двери, но не зашли ни разу.

Утром, отправившись в соседний двор к колодцу, я увидел большую группу веселившихся солдат в форме, не похожей ни на немецкую, ни на румынскую. Оказалось, это итальянцы. Еще через несколько дней в поисках еды я рискнул зайти на близко расположенный от нашего дома базар. Всю площадь занимала толпа вооруженных солдат уже в другой форме. Слышалась совершенно незнакомая мне речь. Это был венгерский батальон. Таким образом, в Балте была представлена почти вся гитлеровская коалиция.

Вскоре на всех улицах, на стенах домов, появились угрожающие распоряжения на немецком и русском языках, требующие полного подчинения всем приказам немецкой комендатуры и содержащие строгое предупреждение о том, что за сокрытие беглых военнопленных и коммунистов последует суровое наказание, вплоть до расстрела. Такая же угроза распространялась на тех, кто будет помогать евреям либо прятать их у себя. Здесь, я должен сказать о драматической для моего городка, особой ситуации. Примерно половину населения Балты составляли евреи. Большинство из них проживало на трех Сенянских и Кузнечной улице, которые и были определены в качестве территории гетто. Никаких оград или проволочных заграждений не было установлено, но выходить за пределы гетто евреям строго запрещалось. Русские и украинцы, как и мы, должны были выделить свой дом крестом. Распоряжения немецкой военной комендатуры, регламентирующие поведение горожан, были отнюдь не простыми угрозами. На южной окраине города, за старым кладбищем, немцы вскоре расстреляли более ста человек — пойманных военнопленных, коммунистов из соседних сел, многих евреев. Среди погибших оказалась наша знакомая — 70-летняя врач из поликлиники, где работала моя тетя.

По городу вскоре были расклеены большие объявления на русском и на румынском — декрет об установлении румынской администрации на всей территории между Днестром и Бугом, получившей название «Транснистрия». Судя по декрету, все эти земли, включая Одессу, которая не сдавалась еще до середины октября, отходили к Румынии. В декрете были столь же грозные предупреждения относительно полного подчинения населения румынским властям, как в прежних немецких распоряжениях.

Городская управа издала приказы об обязательном участии всего населения в выполнении «трудовой повинности». Это совпало со слухами о вывозе на работу в Румынию молодых людей. Из Балты пока еще никого в Румынию не отправляли, но приезжавшие из окрестных сел знакомые сообщали о таких насильственных отправках из поселков севернее Балты. Поэтому каждый раз, когда местные полицейские в сопровождении вооруженных румынских солдат проходили по домам вдоль улиц и выгоняли на работу молодых ребят, каждый со страхом ожидал возможной отправки в Румынию. Однако пока все ограничивалось полевыми работами на уборке кукурузы

и свеклы. Часто в одной «бригаде» оказывались ребята из моей школы, а то и одноклассники. Тогда становилось и легче, и даже веселее. Помню один такой осенний день, когда под присмотром стоявшего на краю поля солдата мы, чуть не половина бывших двух 8-х классов «а» и «б», копали и дергали из мокрой земли белую сахарную свеклу. Вдруг одна из девочек (жаль, забыл ее имя и фамилию), всегда отличавшаяся озорством, громко запела всем известную песню: «На просторах родины чудесной, закалялась в битвах и труде...». На мгновение мы все обмерли, а затем дружно подхватили: «Мы сложили радостную песню о великом друге и вожде». Солдат, ничего не понимая, посмотрел на нас и пошел вдоль поля, а мы громко распевали припев к песне и лишь чуть потише — имя вождя. «Выгоны», как мы их называли, происходили все чаще, и не только в поле, но и на другие тяжелые работы — погрузку отправляемого в Румынию зерна или станков и оборудования с мебельной фабрики и других мелких предприятий.

Первой проблемой, с которой столкнулись мы сразу после возвращения в Балту, — это отсутствие продуктов. Никаких запасов дома не было. Рынок пустовал. Но уже через неделю-две в город потянулись крестьянки из ближайших сел с корзинами и мешками, чтобы обменять хлеб, масло, овощи на вещи, главным образом одежду. Вот и пришлось нам из своего и без того скудного гардероба отбирать рубашки, кофты, постельное белье, коврики для обмена на еду, прежде всего хлеб.

Поздней осенью к нашему полуголодному существованию, а подчас и голоду, добавился еще и холод. Осень и начало зимы 1941 г. оказались на редкость холодными. Дождей и снега не было, но уже в конце октября неожиданно подули ледяные ветры, а затем ударили и весьма редкие для наших южных краев морозы. Сначала на топку пошли все заборы, потом чахлые деревья и кустарники. Темными вечерами, а то и ночью я пробирался в соседний заброшенный еще до войны глиняный домик и вытаскивал оттуда все, что могло гореть. Мой «промысел» был и тяжелым и опасным — по улице ходили румынские патрули и открывали стрельбу при любом подозрительном шуме. После каждого такого «рейда» мама и обе тети со слезами на глазах умоляли меня покончить с этим опасным занятием, но снова надвигалась морозная ночь и я опять отправлялся за дровами. Так промышлял не я один.

Начало борьбы

Когда я пытаюсь воспроизвести в памяти осенние месяцы 1941 г., то как бы ощущаю то состояние всеобщего оцепенения, покорности судьбе, в котором пребывали мы — жители маленького южного городка, оккупированного врагом, особенно после падения в середине октября Одессы. На что можно было надеяться?

По тротуарам Уваровской улицы, выложенным старыми, плохо отделанными, но отполированными за многие десятилетия гранитными плитами, чеканили шаг в подбитых подковами сапогах патрули немецкой комендатуры. Вечером в темноте высвечивались их нагрудные длинные бляхи с фосфоресцирующей свастикой. По утрам румынские солдаты гнали на полевые работы за город молодых ребят. По Кузнечной и Сенянской гнали из гетто толпы евреев на загородный кожевенный завод или еще куда-нибудь. Казалось, кто мог воспротивиться такой военной силе — гестапо, обосновавшемуся в старой школе-четырёхлетке, где я начинал учиться в 1933 г., румынской жандармерии, полицаям, которые знали почти всех и за всеми следили? Ни мне, ни моим друзьям по школе, даже и более старшим тогда и в голову не приходило, что можно бороться с оккупантами. Выжить, избежать отправки в Германию или Румынию — вот, что нас волновало больше всего. Ну и, конечно, — не умереть от голода и холода.

Ни в конце 1941 г., ни в последующие два с лишним года большая часть населения на оккупированных землях, не выражая симпатий и поддержки оккупантам, тем не менее вынуждена была мириться со своим тяжелым положением. Можно ли их винить за это? Ведь не они были повинны в том, что произошло. Но были и те, кто не только пытался вселить надежду на освобождение, но сам и боролся за это. Сначала их было немного, однако с каждым месяцем становилось все больше и больше. Только на Балте и в балтском районе в подпольной партизанской организации и во многих группах партизан насчитывалось несколько сот человек. Как это начиналось?

Мой школьный приятель Саша Ткачук как-то показал мне небольшую листовку, кем-то привезенную из Одессы. Это было обращение к гражданам Одессы и Одесской области. Не помню содержания листовки, но помню, что она была очень краткой, призывала к оружию, к борьбе с оккупантами и стала для меня первым свидетельством того, что где-то разворачивается

сопротивление врагу на занятой им нашей земле. Позже я узнал, что уже осенью 1941 г., еще без какого-либо организационного оформления зародились первые немногочисленные группы единомышленников, вскоре ставших подпольщиками — активными борцами против оккупантов в Балтском и соседних районах. Сейчас трудно установить, когда оформились первые небольшие подпольные группы. Очевидно, они появились уже в октябре–декабре 1941 г. Возможно, именно тогда о них стало известно руководителям партизанского подполья в Одессе. Не случайно преподаватель Одесского университета Татьяна Борисовна Брагаренко была направлена ими в Балту для организации подпольной работы в городе и районе. Владея немецким языком, она устроилась на работу машинисткой в румынской городской управе.

Брагаренко начала свою деятельность в Балте, имея уже нескольких помощников. Среди них были учитель физкультуры моей школы Николай Осокин и его жена Валентина, учитель 1-й украинской школы, приятель моего старшего брата Виктора Виталий Деренянюк, мои старшие товарищи по школе, окончившие ее в 1941 г., Оскар Шмальц и Юрий Гаудич. Как свидетельствуют документы Одесского архива, началась деятельность подпольной группы, которая сначала состояла из 11 человек, потом превратилась в крупную подпольную организацию, включавшую несколько подпольных групп Балтского и соседних с ним районов.

Со временем Балтская подпольно-партизанская организация стала одним из самых крупных и разветвленных партизанских соединений. По количеству участников и по масштабам действий она была второй после Одесского объединения. В силу объективных условий руководители балтского подполья не имели возможности сформировать многочисленный партизанский отряд, но фактически таким отрядом являлась разветвленная система партизанских групп, которые были не только в Балте, но и во многих селах балтского и соседних районов²⁰.

Став связным балтского подполья, я выполнял задания по связям примерно с четырьмя или пятью партизанскими группами. А ведь таких связных, вроде меня, было немало. Каждая из партизанских групп включала от 5 до 10 человек. Были группы и более 15 партизан — это уже целый отряд.

Борьба балтских партизан, их успехи и тяжелые поражения — тема отдельного рассказа²¹.

После освобождения Балты 29 марта 1944 г., перезахоронив тела 50-ти расстрелянных гестаповцами партизан-подпольщиков, большинство их друзей ушли на фронт. Для меня это был 230-й армейский стрелковый полк 53 армии 2-го Украинского фронта. Пройдя через Молдавию, мы участвовали в Яско-Кишиневской операции, затем в боях на подступах к Бухаресту, в Трансильвании и Восточной Венгрии, взятии Будапешта, освобождении Словакии и, наконец, в освобождении Праги. Но впереди еще была война с Японией. И только к новому, 1947 году, после демобилизации я вернулся в Балту. Впереди была вся жизнь. Только почему она так быстро проходит?

Никто не забыт, ничто не забыто?

Почему через столько лет (десятилетий!) меня все еще волнует память о начале войны, о неудавшемся бегстве, о друзьях партизанах-подпольщиках (погибших и оставшихся в живых), о фронтовых дорогах?

Почему волнует ставшая известной через много лет после войны судьба 6-й и 12-й армий, трагедия двух командармов?

Очевидно, потому, что судьба моя, моих близких, тысяч беженцев, попавших в окружение вместе с 6-й и 12-й армиями, была определена сражением под Уманью. А еще память не дает успокоить жестокая несправедливость, проявленная к некоторым героям войны, да и ко многим другим ее участникам. Вот лишь один из трагических фактов:

Ровно через 10 дней поле того, как командарм 12-й армии попал в плен, 16 августа 1941 г. последовал Приказ Ставки Верховного Главного командования Красной армии № 270. В приказе, в частности, отмечалось: «Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим... Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, трусил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги»²². Далее следовал приказ уничтожать трусов и дезертиров, а их семьи «подлежат аресту»; «семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»²³.

«Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах»²⁴.

Приказ подписали Сталин, Молотов, Бурденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников, Жуков.

Е. Долматовский и К. Симонов, зная подлинные обстоятельства пленения двух командармов, позже утверждали, что приказ № 270 — это «бесчестная попытка свалить на них ответственность за все, что произошло на Южном фронте»²⁵.

В плену П. Г. Понеделин «держался мужественно и с достоинством»²⁶. Но после возвращения из плена в 1945 г. его арестовали, судили (с формулировкой приказа № 270) и в 1950 г. он был расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Командарм 6-й И. Н. Музыченко, находясь в плену, тоже «вел себя достойно и мужественно»²⁷. О его судьбе были разные сведения. Но, согласно последней публикации, в 1947 г. (ему было 46 лет) он был «уволен в отставку по болезни» и прожил до 1970 г.

Кроме двух командармов, в результате поражения 6-й и 12-й армий в плен попали четыре командира корпуса, 11 командиров дивизий. Погибли два командира корпуса и шесть командиров дивизий²⁸. Именно их и обвинила Ставка в гибели обеих армий.

Только лишь в 1998 г. впервые было весьма лаконично сказано, что поражение под Уманью двух советских армий было результатом ошибок Ставки и командования Южного фронта²⁹.

Современные отечественные историки, вторю, мало внимания уделяют исследованию неизвестных страниц начала Великой Отечественной войны, в том числе и битве под Уманью. Даже некоторые разрозненные свидетельства говорят об огромном сражении южнее Умани. Не зря, видно, немецкие мемуаристы и историки озаглавливали свои публикации и даже книги — «Битва под Уманью».

О том, что это было одно из первых сражений Великой Отечественной войны, подтверждают многие факты, скрупулезно собранные на протяжении многих лет не военным историком, а поэтом Евгением Долматовским. В качестве корреспондента армейской газеты он был в самой гуще событий, участвовал в боях, оказался в плену в знаменитой «Уманской яме», куда сгинули тысячи пленных советских солдат и командиров. Ему удалось бежать из плена.

О битве под Уманью знал и лишь немного написал Константин Симонов.

Еще не исследованы многие документы военного архива в Подольске и в других архи-

вах, в том числе личные архивы Долматовского, Симонова, других участников войны. А ведь по свидетельству Е. Долматовского в военном архиве есть специальный фонд 6-й армии. В архиве Симонова — большая папка «Южный фронт».

Речь идет не только о битве под Уманью, но и, вообще, о начальном периоде войны и о многом другом из истории Великой Отечественной войны.

Оба фронтовика, Долматовский и Симонов, не раз с сожалением говорили: как много еще не рассказано о войне. Но и сейчас, через 70 лет после начала войны, приходится повторять эти грустные слова. А кто может рассказать? Ведь нас, участников войны, с каждым днем остается все меньше и меньше. Еще два-три года, ну, скажем, пять лет, и нить памяти оборвется. Навсегда.

Полную, и главное, объективную оценку многим событиям военного времени должны дать не только участники войны и историки, но и государственные деятели, власть страны.

Сколько времени и усилий потребовалось, чтобы, преодолевая сопротивление власти, восстановить честь и достоинство защитников Брестской крепости, воздать должное их стойкости и героизму. Так может и битва под Уманью сейчас, спустя семь десятилетий, заслуживает признания как героический подвиг и солдат и генералов, которые впервые оказали врагу столь мощное и продолжительное по тем временам сопротивление. Битва под Уманью не должна быть предана забвению, как и подвиг всех защитников Отечества в первые месяцы Великой Отечественной войны.

И еще. О памяти. Но не о военных битвах. А о людской, человеческой драме. Большим и совершенно неоправданным «провалом» нашей памяти остаются трагические обстоятельства жизни людей на огромных территориях, оккупированных врагом в начале войны. Ведь речь идет о судьбе десятков миллионов людей. Как мало, а подчас и вовсе неизвестно о борьбе подпольщиков-партизан в небольших городах и селах, сколько тысяч имен тех, кто самоотверженно боролся за жизнь и свободу, преданы забвению и стертые в памяти даже их прямых потомков.

В истории народов бывают такие эпохальные события, которые не могут, не должны быть преданы забвению. Без знания, без памяти о них

теряется жизненность народа, его сила, воля, самосознание, нравственность и, в конечном счете — вера в собственное будущее. Кто-то скажет, что это — громкие слова, но я уверен, что в этом — суть необходимого отношения к своему недавнему прошлому народа России, пережившего в середине XX в. гигантское трагическое потрясение, вошедшее в нашу историю под названием Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Все меньше остается участников, свидетелей, да и просто современников тех событий. Все меньше правдивых, отражающих реальность того времени сведений доходит до молодых людей, которые вступают в сознательную жизнь в начале нового, XXI века. Может быть, мой краткий очерк побудит кого-нибудь из них более серьезно задуматься над прошлым своей страны, над жизненным подвигом их прадедов и дедов в середине прошлого века.

¹ См. *Анфилов В.А.* Грозное лето 41-го года. М., 1995; его же: Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. М., 1971; Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1956; История Великой Отечественной войны. М., 1977.

² См. Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 186–188.

³ Там же. С. 189.

⁴ *Долматовский Е.* Зеленая брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. Изд. 2-я. М., 1985.

⁵ Цит. по: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Том 2. М., 1973. С. 205.

⁶ Там же. С. 206.

⁷ Цит. по: *Дашичев В.И.* С. 208.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 226.

¹¹ Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 186.

¹² *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942. Том 3. Кн. 1. М., 1971. С. 180.

¹³ Там же. С. 181, 195.

¹⁴ Там же. С. 206, 213, 214, 219, 224.

¹⁵ Цит. по: Долматовский Е. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 188–189.

¹⁸ Долматовский Е. С. 74.

¹⁹ См. также Иноземцев Н. Фронтовой дневник. 2 изд. М., 2005. С. 58.

²⁰ Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сборник документов и материалов. Т. 2. Одесса, 1949; Одесская область в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Документы и материалы. Одесса, 1970.

²¹ См. Орлик И. И. В Балтском подполье. Новая и новейшая история. 1988. № 6; его же: В подполье и на фронте. Новая и новейшая история. 1965. № 3; его же: Моя военная юность. М., 1965.

²² Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 27.

²³ Там же. С. 28.

²⁴ Там же.

²⁵ Доламовский Е. С. 269.

²⁶ Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 728.

²⁷ Там же. С. 585.

²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. С. 189.

²⁹ Там же. С. 188.